

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ	4
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»	6
И.А. ГОНЧАРОВ «ОБЛОМОВ»	
<i>Часть первая</i>	8
<i>Часть вторая</i>	174
<i>Часть третья</i>	324
<i>Часть четвертая</i>	419
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, СОБЫТИЙ, СВЕДЕНИЙ (В СООТВЕТСТВИИ С ПЛАНОМ)	552

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ КНИГОЙ

Эта книга поможет любому ученику стать отличником — если он того захочет. Вы не замечали, на что уходит время на уроке литературы? Нет, не на размышления, не на споры о героях — хотя, конечно, именно это главное на уроке литературы и требует много времени. Все же больше всего времени на уроке уходит на поиски нужной сцены, фрагмента, страницы. «Найдите в тексте...» — так чаще всего начинается задание, которое дает учитель. И тут начинается быстрое перелистывание страниц в поисках нужного фрагмента. Кто-то нашел первым — он и опередит своих одноклассников.

С этой книгой в руках легко стать первым. Ведь в ней:

- удобная навигация;
- продуманный справочный аппарат;
- подробный указатель;
- история создания произведения.

План книги на полях

Следите за информацией на полях — там представлен **подробный план книги**, которую вы изучаете. Вы можете проследить фабулу произведения по плану на полях, вспомнить, какие основные события в нем происходят.

Навигатор поиска

В конце книги есть **указатель имен, событий, сведений (в соответствии с планом)** — и это удобно для по-

иска. Если вам нужно найти, в каких сценах появляется герой или происходит то или иное событие, нужно открыть этот раздел и посмотреть, на каких страницах есть такие сведения.

Справочный аппарат

На каждой странице объясняются непонятные, устаревшие слова; даются дополнительные сведения о предметах, фактах, событиях; приводятся биографические справки и даты исторических событий; поясняются географические названия. Такие полезные сведения помогают учащимся понять содержание произведения.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Начало работы над романом относится к 40-м гг. XIX в. После завершения «Обыкновенной истории», где основным мотивом, по словам автора, было осознание «труда, живого дела в борьбе с всероссийским застоєм», И. А. Гончаров обращается к образу Обломова. «В 1848 году, и даже раньше, с 1847-го года, у меня родился план “Обломова”». Я свои планы набрасывал беспорядочно на бумаге, отмечая одним словом целую фразу или накидывая легкий очерк сцены, записывая какое-нибудь удачное сравнение, иногда на полустранице тянулся сжатый очерк события, намек на характер и т.п. У меня накапливались тучи таких листков и клочков, а роман писался в голове. Изредка я присаживался и писал, в неделю, в две — две-три главы, потом опять оставлял и написал в 1850 г. первую часть». В октябре 1848 г. был создан первый вариант «Сна Обломова», а в марте 1849 г. альманах «Литературный сборник с иллюстрациями» при журнале «Современник» печатает «Сон Обломова. Эпизод из неоконченного романа».

С этого момента начинается длительная и кропотливая работа над произведением, которая была прервана в 1852 г., когда Иван Александрович отправился в кругосветное путешествие. На фрегате «Паллада» он был секретарем при адмирале Е. В. Путятине. 25 февраля 1855 г. Гончаров возвращается в Петербург и уже 29 ноября того же года читает в кругу знакомых практически завершённую первую часть романа. Однако публикация первой части романа (в незаконченном варианте) осуществилась только в 1857 г.

Глубокое и безответное чувство к Е. В. Толстой, пережитое в это время Иваном Александровичем, отразилось во взаимоотношениях его литературных героев — Ильи и Ольги. Заметим, что 5 марта 1856 г. писатель вступил в должность цензора Петербургского цензурного комитета, где прослужил (с небольшим перерывом) до конца 1867 г. После публикации начала романа в «Русском вестнике» у М. Н. Каткова Гончаров берет отпуск: 21 июня 1857 г. писатель приезжает в Мариенбад, а 31 июля завершает первую, вторую и больше половины третьей части «Обломова» — этот период впоследствии был назван биографами писателя «мариенбадовским чудом».

Публикация законченного романа «Обломов» началась в январе 1859 г. в журнале «Отечественные записки». Впервые полностью опубликован в журнале «Отечественные записки», январь—апрель 1859 г. «Без всякого преувеличения можно сказать, что в настоящую минуту во всей России нет ни одного города, где бы не читали “Обломова”, не хвалили “Обломова”, не спорили об “Обломове”» — так оценил появление романа критик А. В. Дружинин. Л. Толстой писал Дружину: «“Обломов” — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от “Облом[ова]” и перечитываю его еще раз. Но что приятнее ему будет — это, что “Обломов” имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике». И. А. Гончаров вспоминал сказанные ему Тургеневым слова: «Пока останется хоть один русский, — до тех пор будут помнить Обломова». Но и после журнальной публикации работа над текстом продолжалась. В отдельное издание 1862 г. писатель внес более 600 поправок.

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ

ОБЛОМОВ

Роман в четырех частях

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов.

ПОРТРЕТ
ИЛЬИ ИЛЬИЧА
ОБЛОМОВА

Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока.

Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, рук. И поверхностно наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!» Человек поглубже и посимпатичнее, долго вглядываясь в лицо его, отошел бы в приятном раздумье, с улыбкой.

Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или казался таким, может быть, потому, что Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка ли движения или воздуха, а может быть, того и другого. Вообще же

тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины.

Движения его, когда он был даже встревожен, сдерживались также мягкостью и не лишенною своего рода грации ленью. Если на лицо набегала из души туча заботы, взгляд туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнений, печали, испуга; но редко тревога эта застывала в форме определенной идеи, еще реже превращалась в намерение. Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии или в дремоте.

Как шел домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу все шире и шире. Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным, но всё еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани.

Халат имел в глазах Обломова тьму неоцененных достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самомалейшему движению тела.

Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье. Туфли на нем были длинные, мягкие и широкие; когда он, не глядя, опускал ноги с постели на пол, то непременно попадал в них сразу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимою, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием. Когда он был дома, — а он был почти всегда дома, — он всё лежал, и всё постоянно в одной комнате, где мы его нашли, служившей ему спальней, кабинетом и приемной. У него было еще

ОПИСАНИЕ
ХАЛАТА
ОБЛОМОВА

КОМНАТА,
ГДЕ ЛЕЖИТ
ОБЛОМОВ

три комнаты, но он редко туда заглядывал, утром разве, и то не всякий день, когда человек мел кабинет его, чего всякий день не делалось. В тех комнатах мебель закрыта была чехлами, шторы спущены.

Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною. Там стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шелковою материею, красивые ширмы с вышитыми небывалыми в природе птицами и плодами. Были там шелковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор и множество красивых мелочей.

Но опытный глаз человека с чистым вкусом одним беглым взглядом на всё, что тут было, прочел бы только желание кое-как соблюсти *desoign* неизбежных приличий, лишь бы отделаться от них. Обломов хлопотал, конечно, только об этом, когда убирал свой кабинет. Утонченный вкус не удовлетворялся бы этими тяжелыми, неграциозными стульями красного дерева, шаткими этажерками. Задок у одного дивана оселся вниз, наклеенное дерево местами отстало.

Точно тот же характер носили на себе и картины, и вазы, и мелочи.

Сам хозяин, однако, смотрел на убранство своего кабинета так холодно и рассеянно, как будто спрашивал глазами: «Кто сюда наташил и наставил все это?» От такого холодного воззрения Обломова на свою собственность, а может быть, и еще от более холодного воззрения на тот же предмет слуги его, Захара, вид кабинета, если осмотреть там все повнимательнее, поражал господствующею в нем запущенностью и небрежностью.

По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала, вместо того чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижальми для записывания на них по пыли каких-нибудь заметок на память. Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки.

Если б не эта тарелка, да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежащий на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живет — так всё запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия. На этажерках, правда, лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; номер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха.

Илья Ильич проснулся, против обыкновения, очень рано, часов в восемь. Он чем-то сильно озабочен. На лице у него попеременно выступал не то страх, не то тоска и досада. Видно было, что его одолевала внутренняя борьба, а ум еще не являлся на помощь.

Дело в том, что Обломов накануне получил из деревни, от своего старосты, письмо неприятного содержания. Известно, о каких неприятностях может писать староста: неурожай, недоимки, уменьшение дохода и т.п. Хотя староста и в прошлом и в третьем году писал к своему барину точно такие же письма, но и это последнее письмо подействовало так же сильно, как всякий неприятный сюрприз.

Легко ли? предстояло думать о средствах к принятию каких-нибудь мер. Впрочем, надо отдать справедливость заботливости Ильи Ильича о своих делах.

Он по первому неприятному письму старосты, полученному несколько лет назад, уже стал создавать в уме план разных перемен и улучшений в порядке управления своим имением.

По этому плану предполагалось ввести разные новые экономические, полицейские и другие меры. Но план был еще далеко не весь обдуман, а неприятные письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его к деятельности и, следовательно, нарушали покой. Обломов сознавал необходимость до окончания плана предпринять что-нибудь решительное.

ПРОБУЖДЕНИЕ
ОБЛОМОВА

ОБЛОМОВСКИЙ
ПЛАН
УПРАВЛЕНИЯ
ДЕРЕВНЕЙ

Он, как только проснулся, тотчас же вознамерился встать, умыться и, напившись чаю, подумать хорошенько, кое-что сообразить, записать и вообще заняться этим делом как следует.

С полчасца он всё лежал, мучась этим намерением, но потом рассудил, что успеет еще сделать это и после чаю, а чай можно пить, по обыкновению, в постели, тем более что ничто не мешает думать и лежа.

Так и сделал. После чаю он уже приподнялся с своего ложа и чуть было не встал; поглядывая на туфли, он даже начал спускать к ним одну ногу с постели, но тотчас же опять подобрал ее.

Пробило половина десятого, Илья Ильич встрепелся.

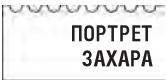
— Что ж это я в самом деле? — сказал он вслух с досадой. — Надо совесть знать: пора за дело! Дай только волю себе, так и...

— Захар! — закричал он.

В комнате, которая отделялась только небольшим коридором от кабинета Ильи Ильича, послышалось сначала точно ворчанье цепной собаки, потом стук спрыгнувших откуда-то ног. Это Захар спрыгнул с лежанки, на которой обыкновенно проводил время, сидя погруженный в дремоту.

В комнату вошел пожилой человек в сером сюртуке, с прорехою под мышкой, откуда торчал клочок рубашки, в сером же жилете, с медными пуговицами, с голым, как колено, черепом и с необъятно широкими и густыми русыми с проседью бакенбардами, из которых каждой стало бы на три бороды.

Захар не старался изменить не только данного ему Богом образа, но и своего костюма, в котором ходил в деревне. Платье ему шилось по вывезенному им из деревни образцу. Серый сюртук и жилет нравились ему и потому, что в этой полуформенной одежде он видел слабое воспоминание ливреи, которую он носил некогда, провожая покойных господ в церковь или в гости; а ливрея в воспоминаниях его была единственную представительницею достоинства дома Обломовых.

ПОРТРЕТ
ЗАХАРА

Более ничто не напоминало старику барского широкого и покойного быта в глуши деревни. Старые господа умерли, фамильные портреты остались дома и, чай, валяются где-нибудь на чердаке; предания о старинном быте и важности фамилии всёглохнут или живут только в памяти немногих, оставшихся в деревне же стариков. Поэтому для Захара дорог был серый сюртук: в нем да еще в кое-каких признаках, сохранившихся в лице и манерах барина, напоминавших его родителей, и в его капризах, на которые хотя он и ворчал, и про себя и вслух, но которые между тем уважал внутренне, как проявление барской воли, господского права, видел он слабые намеки на отжившее величие.

СЕРЫЙ
СЮРТУК
ЗАХАРА

Без этих капризов он как-то не чувствовал над собой барина; без них ничто не воскрешало молодости его, деревни, которую они покинули давно, и преданий об этом старинном доме, единственной хроники, веденной старыми слугами, няньками, мамками и передаваемой из рода в род.

Дом Обломовых был когда-то богат и знаменит в своей стороне, но потом, бог знает отчего, всё беднел, мельчал и наконец незаметно потерялся между нестарыми дворянскими домами. Только поседевшие слуги дома хранили и передавали друг другу верную память о минувшем, дорожа ею, как святынею.

Вот отчего Захар так любил свой серый сюртук. Может быть, и бакенбардами своими он дорожил потому, что видел в детстве своем много старых слуг с этим старинным, аристократическим украшением.

Илья Ильич, погруженный в задумчивость, долго не замечал Захара. Захар стоял перед ним молча. Наконец он кашлянул.

— Что ты? — спросил Илья Ильич.

— Ведь вы звали?

— Звал? Зачем же это я звал — не помню! — отвечал он, потягиваясь. — Поди пока к себе, а я вспомню.

Захар ушел, а Илья Ильич продолжал лежать и думать о проклятом письме.

Прошло с четверть часа.

**ЗАХАР
И ОБЛОМОВ
ИЩУТ
ПИСЬМО
СТАРОСТЫ
И ПЛАТОК**

— Ну, полно лежать! — сказал он. — Надо же встать... А впрочем, дай-ка я прочту еще раз со вниманием письмо старосты, а потом уж и встану. Захар!

Опять тот же прыжок и ворчанье сильнее. Захар вошел, а Обломов опять погрузился в задумчивость. Захар стоял минуты две, неблагоприятно, немного стороной посматривая на барина, и наконец пошел к дверям.

— Куда же ты? — вдруг спросил Обломов.

— Вы ничего не говорите, так что ж тут стоять-то даром? — захрипел Захар за неимением другого голоса, который, по словам его, он потерял на охоте с собаками, когда ездил с старым барином и когда ему дунуло будто сильным ветром в горло.

Он стоял вполупорот среди комнаты и глядел все стороной на Обломова.

— А у тебя разве ноги отсохли, что ты не можешь постоять? Ты видишь, я озабочен — так и подожди! Не залежался еще там? Сыщи письмо, что я вчера от старосты получил. Куда ты его дел?

— Какое письмо? Я никакого письма не видал, — сказал Захар.

— Ты же от почтальона принял его: грязное такое!

— Куда ж вы его положили — почем мне знать? — говорил Захар, похлопывая рукой по бумагам и по разным вещам, лежавшим на столе.

— Ты никогда ничего не знаешь. Там, в корзине, посмотри! Или не завалилось ли за диван? Вот спинка-то у дивана до сих пор не починена; что б тебе призвать столяра да починить? Ведь ты же изломал. Ни о чем не думаешь!

— Я не ломал, — отвечал Захар, — она сама изломалась; не век же ей быть: надо когда-нибудь изломаться.

Илья Ильич не счел за нужное доказывать противное.

— Нашел, что ли? — спросил он только.

— Вот какие-то письма.

— Не те.

— Ну, так нет больше, — говорил Захар.

— Ну хорошо, поди! — с нетерпением сказал Илья Ильич. — Я встану, сам найду.

Захар пошел к себе, но только он уперся было руками о лежанку, чтоб прыгнуть на нее, как опять слышался торопливый крик: «Захар, Захар!»

— Ах ты, Господи! — ворчал Захар, отправляясь опять в кабинет. — Что это за мученье? Хоть бы смерть скорее пришла!

— Чего вам? — сказал он, придерживаясь одной рукой за дверь кабинета и глядя на Обломова, в знак неблаговоления, до того стороной, что ему приходилось видеть барина вполглаза, а барину видна была только одна необъятная бакенбарда, из которой так и ждешь, что вылетят две-три птицы.

— Носовой платок, скорей! Сам бы ты мог догадаться: не видишь! — строго заметил Илья Ильич.

Захар не обнаружил никакого особенного неудовольствия или удивления при этом приказании и упреке барина, находя, вероятно, с своей стороны и то и другое весьма естественным.

— А кто его знает, где платок? — ворчал он, обходя вокруг комнату и ошупывая каждый стул, хотя и так можно было видеть, что на стульях ничего не лежит.

— Всё теряете! — заметил он, отворяя дверь в гостиную, чтоб посмотреть, нет ли там.

— Куда? Здесь ищи! Я с третьего дня там не был. Да скорее же! — говорил Илья Ильич.

— Где платок? Нету платка! — говорил Захар, разводя руками и озираясь во все углы. — Да вон он, — вдруг сердито захрипел он, — под вами! Вон конец торчит. Сами лежите на нем, а спрашиваете платка!

И, не дожидаясь ответа, Захар пошел было вон. Обломову стало немного неловко от собственного промаха. Он быстро нашел другой повод сделать Захара виноватым.

— Какая у тебя чистота везде: пыли-то, грязи-то, Боже мой! Вон, вон, погляди-ка в углах-то — ничего не делаешь!

— Уж коли я ничего не делаю... — заговорил Захар обиженным голосом, — стараюсь, жизни не жалею! И пыль-то стираю, и мету-то почти каждый день...

Он указал на середину пола и на стол, на котором Обломов обедал.

ОБЛОМОВ
УПРЕКАЕТ
ЗАХАРА В НЕ-
АККУРАТНОСТ

— Вон, вон, — говорил он, — всё подметено, прибрано, словно к свадьбе... Чего еще?

— А это что? — прервал Илья Ильич, указывая на стены и на потолок. — А это? А это? — Он указал и на брошенное со вчерашнего дня полотенце, и на забытую на столе тарелку с ломтем хлеба.

— Ну, это, пожалуй, уберу, — сказал Захар снисходительно, взяв тарелку.

— Только это! А пыль по стенам, а паутина?.. — говорил Обломов, указывая на стены.

— Это я к Святой Неделе¹ убираю: тогда образа чищу и паутину снимаю...

— А книги, картины обмести?..

— Книги и картины перед Рождеством: тогда с Анисьей все шкафы переберем. А теперь когда станешь убирать? Вы всё дома сидите.

— Я иногда в театр хожу да в гости: вот бы...

— Что за уборка ночью!

Обломов с упреком поглядел на него, покачал головой и вздохнул, а Захар равнодушно поглядел в окно и тоже вздохнул. Барин, кажется, думал: «Ну, брат, ты еще больше Обломов, нежели я сам», а Захар чуть ли не подумал: «Врешь! ты только мастер говорить мудреные да жалкие слова, а до пыли и до паутины тебе и дела нет».

— Понимаешь ли ты, — сказал Илья Ильич, — что от пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стене!

— У меня и блохи есть! — равнодушно отозвался Захар.

— Разве это хорошо? Ведь это гадость! — заметил Обломов.

Захар усмехнулся во всё лицо, так что усмешка охватила даже брови и бакенбарды, которые от этого раздвинулись в стороны, и по всему лицу до самого лба расплылось красное пятно.

— Чем же я виноват, что клопы на свете есть? — сказал он с наивным удивлением. — Разве я их выдумал?

¹ *Святая Неделя* — пасхальная неделя, главным днем которой является Пасха.

— Это от нечистоты, — перебил Обломов. — Что ты всё врешь!

— И нечистоту не я выдумал.

— У тебя вот там мыши бегают по ночам — я слышу.

— И мышей не я выдумал. Этой твари, что мышей, что кошек, что клопов, везде много.

— Как же у других не бывает ни моли, ни клопов?

На лице Захара выразилась недоверчивость, или, лучше сказать, покойная уверенность, что этого не бывает.

— У меня всего много, — сказал он упрямо, — за всяким клопом не усмотришь, в щелку к нему не влезешь.

А сам, кажется, думал: «Да и что за спанье без клопа?»

— Ты мети, выбирай сор из углов — и не будет ничего, — учил Обломов.

— Уберешь, а завтра опять наберется, — говорил Захар.

— Не наберется, — перебил барин, — не должно.

— Наберется — я знаю, — твердил слуга.

— А наберется, так опять вымети.

— Как это? Всякий день перебирай все углы? — спросил Захар. — Да что ж это за жизнь? Лучше Бог по душу пошли!

— Отчего ж у других чисто? — возразил Обломов. — Посмотри напротив, у настройщика: любо взглянуть, а всего одна девка...

— А где немцы сору возьмут, — вдруг возразил Захар. — Вы поглядите-ко, как они живут! Вся семья целую неделю кость гложет. Сюртук с плеч отца переходит на сына, а с сына опять на отца. На жене и дочерях платьишки коротенькие: всё поджимают под себя ноги, как гусыни... Где им сору взять? У них нет этого вот, как у нас, чтоб в шкапах лежала по годам куча старого, изношенного платья или набрался целый угол корок хлеба за зиму... У них и корка зря не валяется: наделают сухариков да с пивом и выпьют!

Захар даже сквозь зубы плюнул, рассуждая о таком скаредном житье.

— Нечего разговаривать! — возразил Илья Ильич. — Ты лучше убирай.

**ЗАХАР
О НЕМЕЦКОМ
ОБРАЗЕ
ЖИЗНИ**

— Иной раз и убрал бы, да вы же сами не даете, — сказал Захар.

— Пошел свое! Всё, видишь, я мешаю.

— Конечно, вы; всё дома сидите: как при вас станешь убирать? Уйдите на целый день, так и уберу.

— Вот еще выдумал что — уйти! Поди-ка ты лучше к себе.

— Да право! — настаивал Захар. — Вот хоть бы сегодня ушли, мы бы с Анисьей и убрали все. И то не управимся вдвоем-то: надо еще баб нанять, перемыть все.

— Э! какие затеи — баб! Ступай себе, — говорил Илья Ильич.

Он уж был не рад, что вызвал Захара на этот разговор. Он все забывал, что чуть тронешь этот деликатный предмет, так и не оберешься хлопот.

Обломову и хотелось бы, чтоб было чисто, да он бы желал, чтоб это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой; а Захар всегда заводил тяжбу, лишь только начинали требовать от него сметания пыли, мытья полов и т.п. Он в таком случае станет доказывать необходимость громадной возни в доме, зная очень хорошо, что одна мысль об этом приводила барина его в ужас.

Захар ушел, а Обломов погрузился в размышления. Через несколько минут пробило еще полчаса.

— Что это? — почти с ужасом сказал Илья Ильич. — Одиннадцать часов скоро, а я еще не встал, не умылся до сих пор? Захар, Захар!

— Ах ты, Боже мой! Ну! — послышалось из передней, и потом известный прыжок.

— Умыться готово? — спросил Обломов.

— Готово давно! — отвечал Захар. — Чего вы не встаете?

— Что ж ты не скажешь, что готово? Я бы уж и встал давно. Поди же, я сейчас иду вслед за тобою. Мне надо заниматься, я сяду писать.

Захар ушел, но чрез минуту воротился с исписанной и замасленной тетрадкой и клочками бумаги.

— Вот, коли будете писать, так уж кстати извольте и счета поверить: надо деньги заплатить.

— Какие счета? Какие деньги? — с неудовольствием спросил Илья Ильич.

— От мясника, от зеленщика, от прачки, от хлебника: все денег просят.

— Только о деньгах и забота! — ворчал Илья Ильич. — А ты что понемногу не подаешь счета, а все вдруг?

— Вы же ведь всё прогоняли меня: завтра да завтра...

— Ну, так и теперь разве нельзя до завтра?

— Нет! Уж очень пристают: больше не дают в долг. Нынче первое число.

— Ах! — с тоской сказал Обломов. — Новая забота! Ну, что стоишь? Положи на стол. Я сейчас встану, умоюсь и посмотрю, — сказал Илья Ильич. — Так умыться-то готово?

— Готово! — сказал Захар.

— Ну, теперь...

Он начал было, кряхтя, приподниматься на постели, чтоб встать.

— Я забыл вам сказать, — начал Захар, — давеча, как вы еще почивали, управляющий дворника прислал: говорит, что непременно надо съехать... квартира нужна.

— Ну, что ж такое? Если нужна, так, разумеется, съедем. Что ты пристаешь ко мне? Уж ты третий раз говоришь мне об этом.

— Ко мне пристают тоже.

— Скажи, что съедем.

— Они говорят: вы уж с месяц, говорят, обещали, а всё не съезжаете; мы, говорят, полиции дадим знать.

— Пусть дают знать! — сказал решительно Обломов. — Мы и сами переедем, как потеплее будет, недели через три.

— Куда недели через три! Управляющий говорит, что чрез две недели рабочие придут: ломать все будут... «Съезжайте, говорит, завтра или послезавтра...»

— Э-э-э! слишком проворно! Видишь, еще что! Не сейчас ли прикажете? А ты мне не смей и напоминать о квартире. Я уж тебе запретил раз; а ты опять. Смотри!

— Что ж мне делать-то? — отозвался Захар.

ОБЛОМОВУ
СЛЕДУЕТ
СМЕНИТЬ
КВАРТИРУ

— Что ж делать? — вот он чем отделяется от меня! — отвечал Илья Ильич. — Он меня спрашивает! Мне что за дело? Ты не беспокой меня, а там как хочешь, так и распорядись, только чтоб не переезжать. Не может постараться для барина!

— Да как же, батюшка, Илья Ильич, я распоряжусь? — начал мягким сипеньем Захар. — Дом-то не мой: как же из чужого дома не переезжать, коли гонят? Кабы мой дом был, так я бы с великим моим удовольствием...

— Нельзя ли их уговорить как-нибудь. «Мы, дескать, живем давно, платим исправно».

— Говорил, — сказал Захар.

— Ну, что ж они?

— Что! Наладили свое: «Переезжайте, говорят, нам нужно квартиру переделывать». Хотят из докторской и из этой одну большую квартиру сделать, к свадьбе хозяйского сына.

— Ах ты, Боже мой! — с досадой сказал Обломов. — Ведь есть же такие ослы, что женятся!

Он повернулся на спину.

— Вы бы написали, сударь, к хозяину, — сказал Захар, — так, может быть, он бы вас не тронул, а велел бы сначала вон ту квартиру ломать.

Захар при этом показал рукой куда-то направо.

— Ну хорошо, как встану, напишу... Ты ступай к себе, а я подумаю. Ничего ты не умеешь сделать, — добавил он, — мне и об этой дряни надо самому хлопотать.

Захар ушел, а Обломов стал думать.

Но он был в затруднении, о чем думать: о письме ли старосты, о переезде ли на новую квартиру, приняться ли сводить счета? Он терялся в приливе житейских забот и всё лежал, ворочаясь с боку на бок. По временам только слышались отрывистые восклицания: «Ах, Боже мой! Трогает жизнь, везде достает».

Неизвестно, долго ли бы еще пробыл он в этой нерешительности, но в передней раздался звонок.

— Уж кто-то и пришел! — сказал Обломов, кутаясь в халат. — А я еще не вставал — срам да и только! Кто бы это так рано?

И он, лежа, с любопытством глядел на двери.

II

Вошел молодой человек лет двадцати пяти, блещущий здоровьем, с смеющимися щеками, губами и глазами. Зависть брала смотреть на него.

Он был причесан и одет безукоризненно, ослеплял свежестью лица, белья, перчаток и фрака. По жилету лежала изящная цепочка, с множеством мельчайших брелочков. Он вынул тончайший батистовый платок, вдохнул ароматы Востока, потом небрежно провел им по лицу, по глянцевиной шляпе и обмахнул лакированные сапоги.

— А, Волков, здравствуйте! — сказал Илья Ильич.

— Здравствуйте, Обломов, — говорил блистающий господин, подходя к нему.

— Не подходите, не подходите: вы с холода! — сказал тот.

— О баловень, сибарит! — говорил Волков, глядя, куда бы положить шляпу, и, видя везде пыль, не положил никуда; раздвинул обе полы фрака, чтобы сесть, но, посмотрев внимательно на кресло, остался на ногах.

— Вы еще не вставали! Что это на вас за шлафрок¹? Такие давно бросили носить, — стыдил он Обломова.

— Это не шлафрок, а халат, — сказал Обломов, с любовью кутаясь в широкие полы халата.

— Здоровы ли вы? — спросил Волков.

— Какое здоровье! — зевая, сказал Обломов. — Плохо! приливы замучили. А вы как поживаете?

— Я? Ничего: здорово и весело, — очень весело! — с чувством прибавил молодой человек.

— Откуда вы так рано? — спросил Обломов.

— От портного. Посмотрите, хорош фрак? — говорил он, ворочаясь перед Обломовым.

— Отличный! С большим вкусом сшит, — сказал Илья Ильич, — только отчего он такой широкий сзади?

— Это рейт-фрак²: для верховой езды.

— А! Вот что! Разве вы ездите верхом?

ВИЗИТ
ВОЛКОВА
К ОБЛОМОВУ

¹ Шлафрок — домашний халат.

² Рейт-фрак (от нем. reiten — ездить верхом) — костюм для верховой езды.

— Как же! К нынешнему дню и фрак нарочно заказывал. Ведь сегодня первое мая: с Горюновым едем в Екатерингоф¹. Ах! Вы не знаете? Горюнова Мишу произвели — вот мы сегодня и отличаемся, — в вос-торге добавил Волков.

— Вот как! — сказал Обломов.

— У него рыжая лошадь, — продолжал Волков, — у них в полку рыжие, а у меня вороная. Вы как будете: пешком или в экипаже?

— Да... никак, — сказал Обломов.

— Первого мая в Екатерингофе не быть! Что вы, Илья Ильич! — с изумлением говорил Волков. — Да там все!

— Ну как все! Нет, не все! — лениво заметил Обломов.

— Поезжайте, душенька, Илья Ильич! Софья Николаевна с Лидией будут в экипаже только две, напротив в коляске есть скамеечка: вот бы вы с ними...

— Нет, я не усядусь на скамеечке. Да и что стану я там делать?

— Ну так, хотите, Миша другую лошадь вам даст?

— Бог знает что выдумает! — почти про себя сказал Обломов. — Что вам дались Горюновы?

— Ах! — вспыхнув, произнес Волков. — Сказать?

— Говорите!

— Вы никому не скажете — честное слово? — продолжал Волков, садясь к нему на диван.

— Пожалуй.

— Я... влюблен в Лидию, — прошептал он.

— Bravo! Давно ли? Она, кажется, такая миленькая.

— Вот уж три недели! — с глубоким вздохом сказал Волков. — А Миша в Дашеньку влюблен.

— В какую Дашеньку?

— Откуда вы, Обломов? Не знает Дашеньки! Весь город без ума, как она танцует! Сегодня мы с ним в балете; он бросит букет. Надо его ввести: он робок, еще новичок... Ах! ведь нужно ехать камелий достать...

ВОЛКОВ
ВЛЮБЛЕН
В ЛИДИЮ
ГОРЮНОВУ

¹ Екатерингоф — загородный парк на западе Петербурга, в советское время назывался «Парк имени 30-летия ВЛКСМ».

— Куда еще? Полно вам, приезжайте-ка обедать: мы бы поговорили. У меня два несчастья...

— Не могу: я у князя Тюменева обедаю; там будут все Горюновы и она, она... Лидинька, — прибавил он шепотом. — Что это вы оставили князя? Какой веселый дом! На какую ногу поставлен! А дача! Утонула в цветах! Галерею пристроили, gothique¹. Летом, говорят, будут танцы, живые картины. Вы *будете бывать*?

— Нет, я думаю, не буду.

— Ах, какой дом! Нынешнюю зиму по средам меньше пятидесяти человек не бывало, а иногда набиралось до ста...

— Боже ты мой! Вот скука-то должна быть адская!

— Как это можно? Скука! Да чем больше, тем веселей. Лидия бывала там, я ее не замечал, да вдруг...

Напрасно я забыть ее стараюсь²

И страсть хочу рассудком победить... —

запел он и сел, забывшись, на кресло, но вдруг вскочил и стал отирать пыль с платья.

— Какая у вас пыль везде! — сказал он.

— Все Захар! — пожаловался Обломов.

— Ну, мне пора! — сказал Волков. — За камелиями для букета Мише. Au revoir³.

— Приезжайте вечером чай пить, из балета: расскажете, как там что было, — приглашал Обломов.

— Не могу, дал слово к Муссинским: их день сегодня. Поедемте и вы. Хотите, я вас представлю?

— Нет, что там делать?

— У Муссинских? Помилуйте, да там полгорода бывает. Как что делать? Это такой дом, где обо всем говорят...

— Вот это-то и скучно, что обо всем, — сказал Обломов.

— Ну, посещайте Мездровых, — перебил Волков, — там уж об одном говорят, об искусствах; только и

¹ В готическом стиле (франц.).

² *Напрасно я забыть ее стараюсь* — эта и последующая строки романа Н. Ф. Вителляро на слова неизвестного автора.

³ До свидания (франц.).

слышишь: венецианская школа¹, Бетховен да Бах, Леонардо да Винчи...

— Век об одном и том же — какая скука! Педанты, должно быть! — сказал, зевая, Обломов.

— На вас не угодишь. Да мало ли домов! Теперь у всех дни: у Савиновых по четвергам обедают, у Макашиных — пятницы, у Вязниковых — воскресенья, у князя Тюменева — среды. У меня все дни заняты! — с сияющими глазами заключил Волков.

— И вам не лень мыкаться изо дня в день?

— Вот, лень! Что за лень? Превесело! — беспечно говорил он. — Утро почитаешь, надо быть *au courant*² всего, знать новости. Слава Богу, у меня служба такая, что не нужно бывать в должности. Только два раза в неделю посижу да пообедаю у генерала, а потом поедешь с визитами, где давно не был; ну, а там... новая актриса, то на русском, то на французском театре³. Вот опера будет, я абонируюсь⁴. А теперь влюблен... Начинается лето; Мише обещали отпуск; поедem к ним в деревню на месяц, для разнообразия. Там охота. У них отличные соседи, дают *bals champctres*⁵. С Лидией будем в роще гулять, кататься в лодке, рвать цветы... Ах!.. — И он перевернулся от радости. — Однако пора... Прощайте, — говорил он, напрасно стараясь оглядеть себя спереди и сзади в запыленное зеркало.

— Погодите, — удерживал Обломов, — я было хотел поговорить с вами о делах.

— *Pardon*⁶, некогда, — торопился Волков, — в другой раз! — А не хотите ли со мной есть устриц? Тогда и расскажете. Поедемте, Миша угощает.

¹ Венецианская школа — одна из главных живописных школ, к которой принадлежали Джорджоне, Тициан, Веронезе, Тинторетто.

² В курсе (*франц.*).

³ ...на французском театре — французская театральная труппа постоянно выступала в Михайловском театре Петербурга. Позже этот театр стал называться Малым оперным театром.

⁴ Абонируюсь — т.е. куплю абонемент на постоянное место в опере.

⁵ Сельские балы (*франц.*).

⁶ Прошу прощения (*франц.*).

— Нет, Бог с вами! — говорил Обломов.

— Прощайте же.

Он пошел и вернулся.

— Видели это? — спросил он, показывая руку, как вылитую в перчатке.

— Что это такое? — спросил Обломов в недоумении.

— А новые lacets!! Видите, как отлично стягивает: не мучишься над пуговкой два часа; потянул шнурочек — и готово. Это только что из Парижа. Хотите, привезу вам на пробу пару?

— Хорошо, привезите! — говорил Обломов.

— А посмотрите это; не правда ли, очень мило? — говорил он, отыскав в куче брелоков один. — Визитная карточка с загнутым углом.

— Не разберу, что написано.

— Pr. — prince M. — Michel², — говорил Волков, — а фамилия Тюменев не уписалась; это он мне в Пасху подарил, вместо яичка. Но прощайте, au revoir. Мне еще в десять мест. Боже мой, что это за веселье на свете!

И он исчез.

«В десять мест в один день — несчастный! — думал Обломов. — И это жизнь! — Он сильно пожал плечами. — Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается? Конечно, недурно заглянуть и в театр, и влюбиться в какую-нибудь Лидию... она миленькая! В деревне с ней цветы рвать, кататься — хорошо; да в десять мест в один день — несчастный!» — заключил он, перевертываясь на спину и радуясь, что нет у него таких пустых желаний и мыслей, что он не мыкается, а лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой.

Новый звонок прервал его размышления.

Вошел новый гость.

Это был господин в темно-зеленом фраке с гербовыми пуговицами³, гладко выбритый, с темными, ров-

К ОБЛОМОВУ
ПРИХОДИТ
СУДЬБИНСКИЙ

¹ Шнурки (франц.).

² Князь М. Мишель (франц.).

³ ...Господин в темно-зеленом фраке с гербовыми пуговицами — форменная одежда большинства русских чиновников.

